

О. А. Воеводина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЭПИГРАФА В ЛИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Розглядаються підходи до аналізу епіграфа в поетичному тексті у його взаємодії з основним текстом вірша чи ліричного циклу.

Ключові слова: рамковий текст, епіграф, експозиція, семантичний план тексту, інтертекстуальність.

Рассматриваются подходы к анализу эпитаффа в поэтическом тексте в его взаимодействии с основным текстом стихотворения или лирического цикла.

Ключевые слова: рамочный текст, эпитаффа, семантический план текста, интертекстуальность.

The article discusses approaches to the analysis of an epigraph in the poetic text in its interaction with the main text of the poem or lyric cycle.

Key words: frame text, epigraph, semantic text plan, intertextuality.

Эпитаффа, который, как известно, входит в так называемый заголовочный комплекс в рамочном тексте произведения, подчеркивает открытость границ текста, а в авторском цикле выявляет взаимосвязь всех составных частей цикла, их подчиненность единому замыслу. В лирическом сборнике важность смысла цитаты усиливается ее предпозицией по отношению к тексту. Эпитаффа вступает в диалогические отношения с основным текстом, тем более, когда это, как чаще всего и бывает, «чужое слово». Сама необязательность эпитаффа делает его особо значимым. Как композиционный прием эпитаффа играет роль экспозиции после заглавия, но перед текстом. Через эпитаффа автор открывает внешнюю границу текста

для интертекстуальных связей, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста. Являясь цитатой-импульсом стихотворения, эпиграф может проявлять разновекторные пути к интерпретации текста.

В процессе передачи информации происходит определенный сдвиг контекста, так и при использовании цитаты для эпиграфа мы наблюдаем, как она «обрастает» индивидуальными значениями и организует те ассоциации, которые возникают у читателя. Например, книгу лирики «После России» (1928), прозорливо названную М. И. Цветаевой еще до ее выхода в печати в письме к Б. Л. Пастернаку «последней лирической», поэтесса почтительно открывает эпиграфом из Третьяковского. Следует обратить внимание, что кроме названного сборника еще и в очерке «Пушкин и Пугачев» (1936) Цветаева цитирует Третьяковского, чтобы явственно представить читателю свою концепцию понимания соотношения истории и художественного ее осмысления. В произведении смысл цитируемых слов, в иной конкретной ситуации, усиливается авторской позицией и приобретает значение авторитетной поддержки. Для Цветаевой данные слова особенно важны, так как созвучны ее собственному пониманию художественного творчества и миссии поэта: «Отъ сего, что поэтъ есть творитель не наследуетъ, что онъ лживецъ: ложь есть слово противъ разума и совѣсти, но поэтическое вымышленіе бываетъ по разуму такъ, какъ вещь могла и *долженствовала* быть» [6, с. 14].

Эпиграф звучит и вызовом и призывом к читателю, он, по справедливому авторскому расчету, может уже на уровне первого, еще не пристального, знакомства с произведением настроить читателя на нужный поэту лад и повлиять на вектор читательского восприятия. Когда же читатель доходит до чтения стихов, поэтесса вправе рассчитывать, что столь важная для нее мысль о безусловной справедливости художника-творца перед его совестью и его неуклонное служение истине станет очевидной и найдет у него поддержку. Конечно, если читатель, как об этом твердили немецкие романтики, конганиален автору.

Автора увлекает эта борьба за точное понимание его слова, что вполне естественно, тем более в ситуации М. Цветаевой. Выбрав для эпиграфа, можно сказать, сокровенные для себя и обнажающие устремления поэта слова, М. Цветаева вправе надеяться на нужное ей доверие и сопереживание читателя. В письме Б. Пастернаку она определяет основную эмоциональную доминанту сборника – тоска («Только и цены в ней, что тоска»). В письме А. Тесковой, объясняя заглавие книги, подчеркивает, что оно многоплановое и отражает как «простую достоверность» (стихи, вошедшие в книгу, написаны после отъезда из России), так и сложное отношение поэтессы к осмыслению эмиграции вообще. Вопрос болезненный для основных читателей Цветаевой – русских эмигрантов, а значит, и дискуссионный. Ей так важно, чтобы в ее лирической книге, где она столь незащищена, услышали «Голос правды небесной, против правды земной» («Книгу вечности...», 1922) [6, с. 42]. Эпиграф очень точно указывает на истинное место ее поэтического голоса, в котором звучит вовсе не сиюминутная и изменяющаяся «земная правда», эпиграф же указывает и на важную нравственную составляющую творческих устремлений поэтессы: совесть и разум против лжи.

Важным при изучении рамочного текста в целом и эпиграфа в частности становятся вопросы текстопонимания и текстовосприятия, так как в этих процессах взаимодействуют авторский смысл текста и читательский, то есть исходный, и тот, который проявляется в зависимости от читателя, его опыта и эмоциональных возможностей.

Границы текста расширяются за счет использования «чужого слова»: как правило, эпиграф – это цитата, призванная сориентировать читателя, дать ему направление для понимания и интерпретации произведения. Не всегда, но достаточно часто эпиграф – это цитата из известного автора или известного произведения,

а это, в свою очередь, формирует ассоциативную цепь, что углубляет и расширяет читательское восприятие. Например, эпиграф, предваряющий стихи книги К. Бальмонта «Будем как солнце. Книга символов», (слова Анаксагора «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце») соотносится как с названием книги, так и с ее основным символом. Часто содержание эпиграфа «поддерживает» название цикла и у А. Блока. Так, первое стихотворение цикла «Пузыри земли» предваряется эпиграфом «Земля, как и вода, содержит газы, / И это были пузыри земли. *Макбет*» [2, с. 118]. Идею «Ямбов», пафос этого важного и этапного в своем творчестве цикла А. Блок подчеркнул эпиграфом: «*Fecit indignation versum. Juven Sat. I, 79*» («Негодование рождает стих») [2, с. 342].

Владимир Маяковский использует в качестве эпиграфов преимущественно публицистические тексты, опираясь не на авторитет авторов (которых даже не указывает), а на полемический потенциал текста. Как правило, поэт использует эпиграфы в сатирических стихах («Христофор Колумб» с эпиграфом «Христофор Колумб был Христофор Колумб – испанский еврей. *Из журналов*» [4, с. 293], «Иван Иванович Гонорарчиков» с эпиграфом «Заграничные газеты печатают безымянный портрет русских писателей» [4, с. 480], «Господин “народный артист”» с эпиграфом «Парижские “Последние новости” пишут: “Шалыпин пожертвовал священнику Георгию Спасскому на русских безработных в Париже 5 000 франков...”» [4, с. 468]). В данном случае мы сталкиваемся с эпатажной нагрузкой эпиграфа.

Анна Ахматова каждой своей книге предпосылала эпиграф-настроение, определявший модальность художественного текста. Например, стихам первой книги «Вечер» предшествует эпиграф из Андре Терье: «Распускается цветок винограда, / А мне сегодня вечером двадцать лет» [1, с. 23], к «Четкам» взят эпиграф из Баратынского, к «Белой стае» из Анненского, пушкинское «*Узнай, по крайней мере, звуки, / Бывало милые тебе*» открывает «Подорожник», созвучен с названием книги эпиграф к «*Anno domini*» – «В те баснословные года... *Тютчев*» [1, с. 144]. «Тростник» – выстраданная, с драматической судьбой книга – предваряется двумя эпиграфами, с разных сторон открывающих ее идею. Драматизм лирических откровений и реальной жизни поэтессы раскрывается в эпиграфах к книгам «Нечет» и «Бег времени». К первой из них взяты строчки из очень известного стихотворения Ф. Тютчева, а ко второй – цитата из стихов малоизвестной поэтессы, близкой знакомой А. Ахматовой Т. Б. Казанской. Оба эпиграфа призваны создать нужное автору настроение: непредсказуемости жизни и творческой рефлексии и надежды на преодоление неведомого и непредсказуемого.

Цветаевский сборник «Версты» (1916) имеет один эпиграф, открывающий книгу и носящий ироничный, даже скорее самоироничный характер: «*Птицы райские поют / В рай войти нам не дают...*» [5, с. 5]. Это первая «взрослая» книга поэтессы и ирония эпиграфа призвана стать своеобразной ее поддержкой. Кроме того, в эпиграфе нашла выражение и доминирующая в сборнике фольклорная стихия. Перекликается эпиграф и со стихами, посвященными поэту-современнику А. Блоку, где лирическая героиня предстает прихожанкой в храме поэзии, а ее адресат принимает божественный лик, сама же она и не помышляет заявить о себе как о поэте.

Еще раз обратим внимание на эпиграфы, взятые М. Цветаевой для книги «После России». Первая тетрадь открывается словами В. Тредиаковского, столь любимыми поэтессой, что она еще не раз в своих произведениях и черновых записях вспомнит о них. Эпиграф ко второй тетради сборника взят из Монтеня: «... на вопрос, зачем он тратит столько усилий для совершенствования в искусстве, которое не может снискать понимания в людях, ответил: “Пусть их будет немного. Пусть будет один. Пусть не будет ни одного”» [6, с. 91].

В эпиграфах к книге «После России» раскрывается не сразу бросающийся в глаза драматизм сюжета всего произведения. В книге много стихотворений на различные темы, но как взволнованное сердцебиение, перебивающее и заглушающее другие звуки, прорывается (и не в последнюю очередь благодаря эпиграфам) главная тема Цветаевой – поэт, его творчество, его голос и голос мира в ответ. Эпиграфы разделены между собой массивом текста – первый открывает первую тетрадь книги, второй – вторую. И если в первом достаточно конструктивная позиция Цветаевой выглядит оптимистичной, то оптимизм второго эпиграфа, иллюстрирующий важную для Цветаевой мысль, звучит уже как некий психотерапевтический тренинг. От надежды первого эпиграфа до твердой обреченности второго – целый путь человека и поэта. За настроениями автора скрываются самые различные факты биографии, но они упорно экстраполируются поэтессой на переживания творческие.

Первое же стихотворение «Есть час на те слова» задает тон всей книге: при всем многообразии мотивов, образов, тем это прежде всего разговор о поэте и его искусстве. Жизнь и слово связаны тончайшим и вернейшим проводом – поэтом. Именно в этой книге оформится образ цветаевского поэта – провода (циклы «Поэты» и «Провода»). И не случайно эпиграфы, взятые поэтессой, утверждают тему поэта как основную в сборнике, что подчеркивается и обращением М. Цветаевой к мудрости прошедших эпох.

«Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин. Имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее познающего и познаваемого. В имени какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном цельном, уже не просто «субъективном» или просто «объективном» сознании. Имя предмета есть цельный организм его жизни...» [3, с. 48–49]. Эти мудрые слова А. Ф. Лосева могут вполне относиться и к эпиграфу произведения, призванному подчеркнуть суть авторского идейного замысла. Поэтический, как и любой художественный, текст обращен в будущее, для него актуально настоящее, но и прошлое оказывается во временной сфере поэтического текста, прошлое как ориентация на предшественников. На это обращал особое внимание И. Бродский. В этом смысле эпиграф играет свою особую роль и в развитии культурной памяти читателя, и в том, что связывает новое слово с культурой человечества. Как мы уже обращали внимание, эпиграф в качестве композиционного элемента играет роль экспозиции в лирическом тексте. Для исследователя может быть интересным наблюдение за его отношением с заглавием и основным текстом, так как эпиграф может разъяснять заглавие и «подключать» текст через текст-источник к определенному ассоциативному ряду, и широта культурного контекста произведения так же часто зависит от эпиграфа.

Библиографические ссылки

1. Ахматова А. Сочинения : в 2 т. / А. Ахматова. – М. : Цитадель, 1997. – Т. 1. – 448 с.
2. Блок А. Избранные сочинения / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1988. – 688 с.
3. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.
4. Маяковский В. Сочинения : в 2 т. / В. В. Маяковский. – М. : Правда, 1987. – Т. 1. – 766 с.
5. Цветаева М. Версты / М. И. Цветаева. – М. : Советский фонд культуры. Культурный Центр – Дом поэта Марины Цветаевой, 1990. – 146 с.
6. Цветаева М. После России / М. И. Цветаева. – М. : Советский фонд культуры. Культурный Центр – Дом поэта Марины Цветаевой, 1990. – 153 с.